

На следующее утро Вэй Цю проснулся под мерный стук мелкого дождя по крыше.

Другая половина постели уже остыла. Вэй Цю потер глаза и сел, оглядываясь по сторонам: — Ши-гэ? Ши-гэ!

Занавеска качнулась, и в комнату вошел Чэн Шинань, принес с собой запах сырости и свежести.

— Проснулся? Как спалось?

Вэй Цю, еще не в силах разомкнуть веки, мягко и сонно пробормотал: — Дождь идет?.. Ты когда встал?

Шинань набросил ему на плечи одежду, лежавшую на краю кана, чтобы тот не простудился, и тихо ответил: — Если хочешь, полежи еще.

Он протянул руку и пригладил мягкие длинные волосы Вэй Цю. Лицо гэра покраснелось после сна, а длинные ресницы, похожие на маленькие веера, были влажными от утренней дымки. Чэн Шинань невольно прикрыл ладонью глаза Вэй Цю, чувствуя их легкое трепетание, и его лицо озарилось умиротворением.

Вэй Цю послушно склонил голову к его ладони и пролепетал: — Нет-нет... я сейчас встану, завтрак еще не готов...

Шинань мягко уложил его обратно: — Поспи еще. Дождь идет, дел особо нет.

Вэй Цю с ленивой радостью устроился на подушке — чувство, когда тебя так балуют, было слишком приятным, и «режим сони» включился снова. Почувствовав, что ресницы под его ладонью больше не дрожат, Шинань осторожно убрал руку и какое-то время просто сидел на краю кана, нежно любясь спящим Вэй Цю.

Спустя время, взглянув на небо за окном, Шинань наклонился и, помедлив, запечатлел невесомый поцелуй на лбу юноши, после чего бесшумно вышел из дома.

Небо затянуло серой хмарью, сеял бесконечный мелкий дождь. В городе люди спешили по своим делам, прикрываясь зонтами. Выйдя из городского трактира, Чэн Шинань, бережно прижимая заработанное за дичь серебро, направился к рынку.

Он купил несколько цзиней мяса, хребтовые кости, сахарные косточки и в придачу целый набор потрохов. Затем заглянул в лавку сладостей — хотел побаловать Вэй Цю. С тех пор как тот поправился, ему пришлось несладко. Дом был беден, мяса они не видели неделями, но Вэй Цю ни разу не пожаловался. Теперь, когда на руках появились деньги, Шинань хотел купить ему что-нибудь вкусное и полезное.

Проходя мимо лавки зерна и масла, он купил двадцать цзиней белого риса и муки, а также пять цзиней бобового масла. Договорившись с лавочником, что заберет товар позже, он направился в магазин тканей напротив.

Холодало, а их одежда была тонкой и сплошь в заплатках. Шинань раньше никогда не покупал нарядов для других. Когда этот рослый, мощный мужчина вошел в лавку, хозяйка поначалу оторопела и лишь спустя время робко спросила:

— Уважаемый, вы для домочадцев одежду ищете или для себя?

— Для домочадца, — ответил он. Заметив, что Шинань присматривается к простым, но изящным вещам для молодежи, хозяйка всё поняла.

— Вы для своего фулана присматриваете? Тогда рекомендую вот эти модели. Цвета спокойные, но материал — чистый хлопок. Телу очень приятно, у нас это самый ходовой товар.

Шинань осторожно пощупал ткань. Она оказалась мягкой, с добавлением хлопка — как раз для нынешнего сезона. Довольный, он выбрал для Вэй Цю две смены одежды, себе взял рубашу из грубого полотна, прихватил для супруга пару обуви и, быстро расплатившись, ушел.

Забрав продукты из лавки зерна, Шинань двинулся к выходу из города. По пути он купил еще несколько свертков недорогих сладостей для подарков соседям, а для Вэй Цю — четыре штуки самого дорогого сливового печенья, шесть штук бобового и немного тростникового сахара. Бережно уложив покупки в корзину и прикрыв их промасленной бумагой, он зашагал по дороге, надеясь встретить попутную воловью телегу.

За городом путников стало меньше — лишь редкие старики да мужики с корзинами брели домой. Не успел Шинань пройти и пары ли, как сзади послышался скрип телеги и голоса, доносившиеся издалека:

— Ах, какая же госпожа Цянь счастливая! Старший сын в городе при деле, младший в академии учится. В город ездит как к себе домой. В этот раз, поди, недели две гостила? Не то что мы — всё вокруг своего клочка земли крутимся.

Цянь-ши сидела на телеге с самодовольным видом, а две сельчанки рядом заискивающе улыбались, рассыпаясь в комплиментах. Цянь-ши так дорожила младшим сыном-учеником, что старалась лишний раз не звать его в деревню, даже при наличии своей телеги. Она специально снимала ему комнату у вдовы в городе, а сама то и дело навещала туда под предлогом заботы. На самом деле ей просто хотелось казаться выше односельчан. Наличие двух успешных сыновей безмерно тешило её уязвленное самолюбие.

Когда воловья телега поравнялась с идущим впереди мужчиной, голоса стихли.

— Ой, гляньте, это не Чэн Шинань? — жена Ван толкнула Цянь-ши в бок.

Цянь-ши взглянула на хромающий силуэт, и её лицо похолодело.

Но как только телега подъехала ближе, она нацепила фальшивую ухмылку: — Ой, да это же Шинань! Нога ведь болит, чего тебя в город понесло?

Шинань ответил ей ледяным, бесстрастным взглядом. Улыбка мгновенно застыла на лице мачехи. Все на телеге вздрогнули от его тяжелого, мрачного взгляда.

Цянь-ши на мгновение лишилась дара речи. Вокруг — пустынная дорога, сеет дождь... Женщины не на шутку испугались: всё-таки перед ними был человек, прошедший войну и видевший кровь.

— Дождь-то расходится... Давайте-ка поскорее поедem, — пролепетала жена Ван.

— Да... да, верно, — отозвалась Цянь-ши, и компания припустила так быстро, словно за ними гнались собаки.

Шинань равнодушно отвернулся и пошел дальше. На полпути он встретил Мэн Цюаня с мужиками, возвращавшихся на телеге. Те сразу подхватили его корзину и, перешучиваясь, вместе доехали до деревни. Прощаясь, Шинань пригласил их всех вечером на ужин — это были именно те люди, которые помогали ему обустройства лачугу. Зная его нелюдимый нрав, мужики после пары вежливых фраз согласились.

Шинань добрался до дома как раз к обеду. Вэй Цю держал еду в тепле на печи, а сам сидел на скамеечке в главной комнате, подперев щеку рукой и не сводя глаз с ворот. Увидев знакомый силуэт, он радостно выбежал навстречу и чуть не поскользнулся на мокрой траве.

Шинань нахмурился и ускорил шаг.

Когда Вэй Цю подбежал, муж строго осадил его: — Не бегай! А если упадешь?

Вэй Цю, оробев под его суровым взглядом, невольно втянул голову в плечи и тихо проворчал: — Почему не сказал, что в город уходишь? Да еще в такой дождь... Знал бы, с тобой пошел. И зачем столько всего накупил?

Вэй Цю попытался помочь, подставив руки под дно корзины, но та даже не шелохнулась. Какая тяжелая!

— Всё в порядке, я на телеге ехал, не устал, — Шинань перехватил его руки, не давая помогать.

Вэй Цю бросил взгляд на его заляпанные грязью сапоги.

«Хм...» — решил он не разоблачать его ложь.

Дома Вэй Цю принес ему чашку горячего имбирного отвара и велел немедленно переодеться. Шинань достал из-за пазухи сверток, отдал его мужу и ушел в спальню. Вэй Цю развернул еще теплую бумагу — внутри оказалась пара новеньких туфель. Судя по виду — как раз его размер. Он прижал обувь к груди, и уголки его губ поползли вверх, а глаза счастливо сощурились.

Шинань вышел, и при виде сияющего лица Вэй Цю его собственное выражение смягчилось.

Он усадил мужа: — Чего не меряешь? Посмотри, как сидят.

С этими словами он присел на корточки, собираясь самолично переобуть Вэй Цю.

Тот опомнился и поспешно поджал ноги под себя: — Не надо! Ты садись, я... я сам!

Но Шинань не шелохнулся. Он упрямо взял его белую аккуратную стопу в свои руки и начал бережно надевать туфлю. Вэй Цю замер, вцепившись пальцами в подол одежды — за всю его жизнь никто никогда не переобувал его вот так. Мозолистые ладони Шинаня щекотали кожу, сердце затрепетало, и он, не мигая, уставился на волевое лицо мужчины перед собой...